

Член-корреспондент АН СССР

Д. В. БУБРИХ

НЕ ДОСТАТОЧНО ЛИ ЕМСКИХ ТЕОРИЙ?

1.

В 1832 г., почти 120 лет тому назад, российский академик И. А. Шёгрэн, финн родом, опубликовал работу «О прежних местообитаниях еми»¹.

Картина, которую рисует Шёгрэн, сводится к следующему. В эпоху возникновения Русского государства в местах севернее 60° северной широты важную роль играли два родственных племени: емь и корела. Местообитания этих племен разграничивались широтной линией: емь обитала южнее, от Вычегды и прилежащего участка Северной Двины до все более передвигавшихся на запад пределов, а корела от Белого моря (где якобы создала пресловутую Биармию) и прилежащего участка Северной Двины тоже до все более передвигавшихся на запад пределов. Емь уже в XI в. достигла Онежского и Ладожского озер, откуда стала распространяться в южную и западную Финляндию. Корела, тоже пробиваясь на запад, в XII в. обнаружила тяготение и к югу и вышла на Олонецкий и Карельский перешейки и в восточную Финляндию. Впоследствии южно- и западно-финляндская емь вместе с восточно-финляндской корелой составила финский-суоми народ, емь в соседстве Свири — вепсский народ, а корела за пределами восточной Финляндии — карельский народ. Наиболее восточные группы еми и корелы обрусели, исключая некоторые группы еми, которые комизовались. Получается так, что финский-суоми народ (емь + корела), с одной стороны, и вепсский и карельский народы (емь и корела), с другой, составились из одних и тех же этнических элементов.

Вполне понятно, как Шёгрэн пришел к своему построению. В то время считалось общепризнанным, что легендарная Биармия скандинавских саг создана корелой. Соответственно, на корелу смотрели как на племя, по происхождению связанное с седым Севером. На емь, естественно, смотрели как на племя относительно южное. Возникал вопрос: не

¹ J. A. Sjögren. Über die älteren Wohnsitze der Jemen. Memoires de l'academie des sciences. СПб., 1832, т. I, стр. 263. Переиздание — в 1-ом томе собрания сочинений Шёгрена (СПб., 1861, стр. 463).

распространялись ли некогда местообитания южной еми так же далеко на восток, как местообитания северной корелы? Шёгрэн ответил «да» — и нарисовал представленную картину. Его убеждению, что он прав, содействовала господствовавшая тогда урало-алтайская теория, согласно которой финны, вепсы, карелы и все вообще население севера и востока Восточной Европы явилось из глубин Азии.

Доказывать что-нибудь насчет корелы Шёгрэн не считал нужным — настолько он считал все, что ее касается, «известным». Но емь требовала хлопот. Поэтому именно ею Шёгрэн и занялся и именно ей он посвятил свою работу.

Работа Шёгрэна — типичный пример случая, когда не факты рожают теорию, а теория тщится подобрать факты. Это длинное, натянутое рассуждение, сильно отличающееся от других работ того же автора, установивших за ним репутацию крупнейшего учёного. Мизерные и исковерканные «факты» тонут в море бесконечных комментариев и мало относящихся к делу экскурсов.

На что же опирается Шёгрэн?

1) У Татищева есть место, где он связывает емь с Заволочьем, и место, где он связывает емь со Свирью. Документы, на основании которых Татищев говорил об этих связях, до нас не дошли, а сам Татищев не может быть приравнен к источнику сведений о еми. Известно, как вообще он представлял себе емь. Ни один последующий историк до Шёгрэна не поддержал его насчет еми. Совершенно ясно, что указанные два места не могут служить хоть сколько-нибудь надежной опорой для Шёгрэна.

2) В списке «иных языков» древней Руси, приведенном во вступительной части летописи, перечисляются чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, емь (ямь), литва, зимгола, корсь, норова, либь. Шёгрэну угодно было отметить, что емь тут попала в восточную цепь народов и занимает в ней совсем восточное место. Но ничто ведь не мешает сказать, что емь в списке попала в группу западных народов — рядом литва и т. д.

3) В грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. вне обонежского и бежецкого рядов наряду со всякими восточными местностями упоминается емь. Шёгрэну угодно утверждать, что емь в грамоте рассматривается как нечто восточное. Но ничто ведь не мешает сказать, что вне обонежского и бежецкого рядов в грамоте собран Север, куда относились разные северо-восточные местности и северо-западная емь.

4) Большое внимание Шёгрэн уделяет названию селения Гам на Вычегде и собранным им легендам о племени гам. Но такие отдаленные звукоподобия можно при желании найти, где угодно.

5) Несколько интереснее приводимое Шёгрэном название реки Еменги (в бассейне р. Онеги). Но если учесть, что русск. ем — может отражать прибалтийско-финские слова с х в начале и без него, с е, ие, ä, ää в первом слоге, с м и мм за этим гласным, то оказывается, что оно может иметь до десятка прибалтийско-финских этимологий, не говоря уже о не-прибалтийско-финских, и вероятность его связи в приведенном случае с племенем емь ничтожная. Шёгрэн и сам это прекрасно знает. Недаром он приводит название реки Емцы (очень северного левого притока Северной Двины) с указанием, что оно-то вряд ли связано с племе-

нем емь. Дело в том, что на Емце, согласно теории Шёгрена, должна была жить совсем не емь, а корела.

6) В пользу своей теории Шёгрэн хочет обратить самое название еми. Он связывает это название с диалектным эстонским словом, обозначающим сырость. Места, куда Шёгрэн помещает свою емь, беспорно, не отличаются сухостью. Но теперь никто уже не может присоединиться ни к наивной этимологии Шёгрена, ни к мысли, что название еми как-нибудь его теорию поддерживает.

7) Пожалуй, как на самое важное доказательство бывшего восточного распространения еми Шёгрэн смотрит на утверждаемую им близость вепского языка к емским диалектам финского-суоми языка. Но это — самое слабое место в аргументации Шёгрена. Хотя именно ему принадлежит честь открытия вепского языка как такового (до него об этом языке в науке и не подозревали), но изучить этот язык ему не удалось. Все указания об особенностях вепского языка он уместает в одно подстрочное примечание, не блещущее ни подходящим подбором примеров, ни точностью, ни отсутствием недоразумений. В действительности вепский язык и емские диалекты финского-суоми языка лежат на полюсах прибалтийско-финской речи. Это доподлинно известно всякому, кто соприкасался с вопросом о языковых отношениях в прибалтийско-финской среде.

В конце концов Шёгрэн, утверждая бывшее восточное распространение еми, ровно ни на что серьезное не опирается. А он ли не постарался использовать в интересах своей теории все, что только возможно, — и закоулки исторической литературы, и летописи, и грамоты, и этнонимы, и топонимику, и самое название еми, и им новооткрытый вепский язык (археологических и антропологических данных по Северу тогда не было). Если все это не помогло, — значит, теория никуда не годится.

2

После Шёгрена долго не было историков-специалистов по прибалтийско-финскому Северу, которые могли бы с ним сравниться. У нас данная специальность вообще пропала — она начинает восстанавливаться только в советское время. Естественно, что в широких кругах историков никаких переоценок положений Шёгрена не происходило. Попрежнему верили, что корела как-то особенно связана с Белым морем, хотя постепенно созревало подозрение, что никакой Биармии как блестящего государства не существовало. Не сопротивлялись мысли, что емь когда-то имела восточное распространение, хотя рост лингвистических сведений постепенно отбрасывал один аргумент Шёгрена за другим. Подвергся изучению вепский язык, который оказался совсем не соответствующим представлениям Шёгрена.

По-новому дело повернулось в начале XX в. В это время историческая работа по прибалтийским финнам с учетом их специфики у нас отсутствовала. Этим обстоятельством постарались широко воспользоваться в Финляндии. Там уже не существовало ни тени чего-либо вроде научной объективности. Наука поступила целиком на службу хищнических вождений буржуазии. Теория Шёгрена, которая по своему содержанию могла бы быть полезна (эта теория ведь утверждает этническое единство финнов-суоми, с одной стороны, и вепсов и карел, с другой), оказывалась, в связи с количественным ростом научных сведений, безнадежной, и нужна была какая-нибудь новая теория. Ее и стали строить.

Финляндская теория гласит следующее. С очень ранних пор, с первых веков н. э., в западной Финляндии стало формироваться два племени, состав которых переселился с южного берега Финского залива, — сумь и емь. Сумь поселилась на крайнем юго-западе Финляндии, при слиянии вод Финского и Ботнического заливов. Емь — у ближайшей группы озер, откуда удобные пути выводили как на Финский залив, так и на Ботнический. Севернее и восточнее простиралась «пустыня», оживленная только редким лопским (саамским) населением. Прочие прибалтийско-финские племена обитали южнее, в современной Эстонии и отчасти Латвии, а также в местах восточнее Эстонии, до Волхова и за Волховом. За Волховом, южнее Свири, с некоторых пор стало формироваться племя весь — в широком смысле. Приблизительно с VI в. охотники из эми, двигаясь на восток, стали достигать западного побережья Ладожского озера. Постепенно на Карельском перешейке около Ладожского озера, а отчасти у северного побережья этого озера стало собираться емское население, к которому в незначительной мере примешивались выходцы из более южных мест, из мест от Чудского озера до Заволховья, т. е. до веси. Во всяком случае емское население, согласно этой теории, резко преобладало. К XII в. это население, хотя и емское по происхождению, обособилось как отдельное племя — корела. Еще до своего обособления в отдельное племя, а также после обособления это население продвигалось дальше в восточном направлении. Оно рано появилось у Белого моря, по крайней мере до низовья Северной Двины. Рано оно появилось также во всей современной Карелии, включая места за Онежским озером. В южной Карелии была примесь выходцев из Веси, но она была незначительна. Только разве в небольшой группе населения, известной под названием людиков, весского элемента оказалось порядочно. Впоследствии сумь, емь и западная часть корелы объединились в финский-суоми народ, а восточная часть корелы ждет соединения с этим народом. Русское государство, по мнению финских ученых, в этом процессе никакой положительной роли не играло, оно будто бы только мешало и мешает восточным карелам слиться с финнами.

Такова концепция финской буржуазной науки.

Когда перед нами буржуазная теория, надо всегда посмотреть, какие реальности она использует в качестве опоры и в чем она извращает или фальсифицирует действительность

Бесспорно, есть серьезнейшие основания для утверждения формирования суми и эми в пределах западной Финляндии. Конечно, еще вопрос, когда именно прибалтийско-финское население западной Финляндии — пусть оно собиралось здесь с первых веков н. э. — оформилось как сумь и емь. Но это не слишком существенно. Далее, не возбуждает сомнений, что более южные группы прибалтийско-финского населения расплагались в догосударственное время приблизительно на территории современной Эстонии и отчасти Латвии, а также восточнее Эстонии до мест за Волховом, где приходится помещать весь. Понятие веси требует уточнения. Есть совершенно точные данные, удостоверяющие былое широкое распространение названия **вепсá**. Но отношение этого названия к русскому названию **весь** (в древности **вьсь**) со стороны вокализма еще содержит неясность. Скорее всего, связь есть, и нет оснований отказываться от удобного русского названия **весь** в широком употреблении. При этом надо учитывать, что этим термином в широком употреблении в древности покрывалось, по всей видимости, нечто собирательное. Летописная белозерская весь вряд ли была то же самое, что весь, скажем,

в районе Свири, продолжающаяся в современном вепском народе.

На этом кончаются те реальности, которые использует в качестве опоры финляндская теория. Тут разные вещи требуют уточнения или доработки с нашей стороны. Но яд еще не здесь. Это еще реальности догосударственных времен, реальности времен, когда не возникала корела, вокруг которой финляндская наука плетет сеть.

Настоящая «работа» финляндских ученых начинается тогда, когда встает вопрос о кореле и карельском народе. Установка простая — любыми средствами «доказать» емское их происхождение, оттерев весь и все вообще иное, а также убрав из поля зрения Русское государство.

Посмотрим, как ведет свою «работу» финляндская наука.

1) Раскопки на Карельском перешейке показали, по уверениям финляндских ученых, что, начиная с VI в., здесь встречаются вещественные находки и погребения того же типа, что в западной Финляндии. Все это надо проверить, и это делает наша археологическая наука, когда собирается заняться Карельским перешейком. Мера сходств может быть ведь всякая, а у родственных этнических образований, не разделенных государственной границей, какие-нибудь сходства вполне в порядке вещей. Кроме того, сопоставление двух величин с устранением из сферы внимания других всегда позволяет подойти к сходствам односторонне и пристрастно. Таким образом, на наш не просвещенный археологией взгляд, еще вопрос, что это за сходства, которые так обрадовали финляндскую науку. Но пусть даже финны нашли настоящие поразительные сходства. Они относятся ведь ко временам до окончательного формирования корелы, которое завершилось незадолго до середины XII в. Мы не знаем, какие передвижки и смены населения происходили на Карельском перешейке до этого «момента». Может быть, выходцы из эми и были здесь, но потонули среди выходцев из других племен. Как бы то ни было, памятники корелы как таковой резко отличаются от западно-финляндских памятников.

Никаких других аргументов в пользу емского происхождения корелы, кроме более чем сомнительного археологического, у финских ученых нет. Так-таки и нет, словно вся финляндская наука сводится к археологии. Может быть, ученые других специальностей в Финляндии настолько добросовестны, что не могут поддержать «увлечения» археологов? Это не так: ученые других специальностей проявляют себя громким «ура» по адресу археологов. Значит, дело не в добросовестности. Дело просто в том, что за пределами археологии решительно все данные свидетельствуют против емского происхождения корелы.

«Судью» в таких случаях является язык. В карельской речи нет абсолютно ничего, что бы могло быть поставлено в связь с особенностями емской речи, которая продолжается в современных емских (тавастских, если взять шведский термин) диалектах финского-суоми языка. С другой стороны, в емской речи невозможно обнаружить ничего, что бы могло быть поставлено в связь с особенностями карельской речи. Взять хотя бы фонетику. Л. Кеттунен, столь громко приветствующий археологов, не только не удосужился написать что-нибудь насчет емских элементов в карельской речи, но и не смог ни в своем очерке диалектов финского-суоми языка, ни в своем финском-суоми диалектологическом атласе указать хоть какие-нибудь емско-карельские фонетические общности. А глубоких фонетических различий сколько угодно! Или взять

морфологию и синтаксис. Емско-карельских общностей тут нет вовсе. Глубоких же различий опять-таки сколько угодно! Вспомним хотя бы о противостоянии емских инфинитивов типа **тулеен** из **тулехен** «притти» и карельских типа **тулома**х из **тулема**хан в том же значении. Не говорим уже о лексике. В этой области емские явления сами по себе и карельские тоже сами по себе.

Создается положение, для финляндской науки отнюдь не выигрышное.

2) Изучение карельского языка показало, по уверениям финляндских ученых, что диалекты этого языка, исключая разве людиковские (в соседстве с вепским языком), как ни различны, а могут рассматриваться как возникшие в основном на базе речи древней корелы. Правда, в южной Карелии есть вепсская примесь. Но она картину по существу не меняет. Отсюда вывод: карельский народ продолжает в основном древнюю корелу, которая в свою очередь продолжает продвинувшиеся на восток группы еми. Теория построена — остается только ее «закруглить».

На этот раз у финнов нет никаких других аргументов, кроме лингвистического.

Карело-финская лингвистика — это сфера, где мы тоже с некоторых пор работаем. Времена финляндской «монополии» тут миновали. С 1937 г. нами произведено детальное изучение сельских диалектов Карелии. По обширной программе (около 2.000 вопросов, во втором издании около 2.500) обследовано с диалектологической стороны значительно более 200 населенных пунктов Карелии и некоторое количество населенных пунктов Калининской области, где с XVII в. тоже обитают карелы. Этот материал дополняют записи и словарные картотеки. Все это с конца 1937 г. обрабатывается в форме составления диалектологических карт. Ближится к концу составление диалектологического атласа карельского языка.

Наши материалы говорят, что подходить к карельскому языку — пусть за изъятием людиковских диалектов — просто как к продолжению речи древней корелы невозможно. Не только людиковские, но и ливвиковские диалекты, на которых говорит больше половины карельского населения Карело-Финской ССР, в основном продолжают вепскую речь. Речь корелы продолжается только в собственно-карельских диалектах, на которых говорит приблизительно треть карельского населения Карело-Финской ССР, расселившаяся, правда, на больших пространствах средней и северной Карелии. Карельский народ составил из основных частей древней корелы и важных частей древней веси. Ничего удивительного в этом нет. Мы знаем, что позднейшие народы слагались вообще в обстановке падения древних племенных разграничений.

Взглянем на отношения между различными карельскими диалектами и вепским языком — прямым наследником древней вепской речи, насколько нам позволяют объем и характер настоящей статьи.

Есть черты, противопоставляющие карельский язык вепскому. В карельском языке имеются долгие гласные — в вепском языке долгие гласные сократились, остались только косвенные на них указания. Впрочем в шелтозерском диалекте вепского языка сохраняются долгие **уу**, **уу**, **ии**. Далее, в карельском языке сохраняются без выпадения все срединные гласные — в вепском языке они при определенных усло-

виях выпадают. Впрочем их выпадение наблюдается в людиковском диалекте Михайловского сельсовета. Наконец, в карельском языке существуют аффрикаты одного (ч-ового) типа — в вепском языке существуют аффрикаты двух (ц-ового и ч-ового) типов. Впрочем на «флангах» людиковской группы диалектов, в Михайловском сельсовете и за оз. Сандал, дело обстоит так же, как в вепском языке. Вот и все.

Есть черты, противопоставляющие карельский язык за вычетом людиковских диалектов вепскому языку с прибавлением этих диалектов. В карельском языке за вычетом людиковских диалектов сохраняется так называемая гармония гласных — в вепском языке и в людиковских диалектах она находится на разных ступенях исчезновения или вовсе отсутствует. Кроме того, в карельском языке за вычетом людиковских диалектов сохраняется так называемое чередование ступеней согласных — в вепском языке и в людиковских оно отсутствует.

Гораздо обильнее черты, противопоставляющие собственно-карельские диалекты совокупности вепского языка и обеих южных групп карельских диалектов, ливвиковской и людиковской. Гласные конца слова в собственно-карельских диалектах сохраняются — за этими пределами они, в первую очередь а и ä, подверглись преобразованию и отпадению. Далее, й в собственно-карельских диалектах подвергалось отпадению или выпадению в одних условиях (в конце четного слога) — за этими пределами оно подвергалось выпадению совсем в других условиях (перед заканчивающим любой слог сибилантом и перед начинающим нечетный слог сибилантом). Наконец, шипящие ш и ж в собственно-карельских диалектах появились в одних условиях (в условиях твердости сибилантов) — за этими пределами они появились совсем в других, диаметрально противоположных условиях (в условиях мягкости сибилантов). К этому прибавляется то весьма знаменательное, но финляндскими учеными совсем не взвешиваемое обстоятельство, что морфология и синтаксис собственно-карельских диалектов противостоят — в полной мере — морфологии и синтаксису вепского языка и обеих южных групп карельских диалектов. Можно даже сказать, что морфологию и синтаксис обеих южных групп карельских диалектов, ливвиковской и людиковской, можно рассматривать под углом зрения вепской диалектологии. Дело касается одинаково и именного словоизменения, и глагольного словоизменения, и словообразования. О лексике и не говорим. Водораздел тут тоже проходит между собственно-карельскими диалектами, с одной стороны, и вепским языком вместе с обеими южными группами карельских диалектов, с другой.

Что южные группы карельских диалектов продолжают в основном вепскую речь, это в полной мере очевидно. Очевидно и то, что их носители (в совокупности 60—70% карельского населения Карело-Финской ССР) продолжают в основном **весь**.

Так падает вся аргументация финляндских ученых. Грубо неверно у них освещение генезиса древней корелы. Грубо неверно у них также освещение генезиса позднейшего карельского народа. Настоящее историческое место еми — только в западной Финляндии и нигде более. И корела, и карельский народ возникли совсем не так, как это рисуют буржуазные финские ученые. Они возникли из иных этнических элементов, чем емь, из восточных этнических элементов, и притом, конечно, при очень большом участии Русского государства.

3

Полновесного исторического изучения прибалтийско-финского Севера у нас еще нет — наша историческая наука на этом участке отстает. Археологическая изученность Севера недостаточна. На Карельском перешейке исследования не производятся, несмотря на призывы местных организаций. На территории Карелии изучены только времена кончая началом последнего тысячелетия до н. э., которые для нас сейчас представляют интерес весьма отвлеченный. Южнее, с заходом в приладожскую часть Карелии, частично освещено то, что нам сейчас нужно (имеем в виду в особенности работы В. И. Равдоникаса), но дело не дошло, скажем, до археологического изучения веси у Белого озера. Восточнее все погружено в темноту, и такие вещи, как энергичные раскопки у Холмогор, еще в сфере мечтаний. Удивительно ли, что к вопросам ранней истории Севера приходится подходить лингвисту? Это не дерзость, а необходимость.

Лингвист не может разрешить вопросов ранней истории Севера один. Однако лингвистические материалы, широко собранные и тщательно проработанные, имеют немалое значение (неужели эту истину надо защищать?), и некоторая наметка разрешения этих вопросов для него доступна.

С точки зрения лингвиста тот круг вопросов, куда разные теории суют все одну и ту же емь, в общих контурах освещается следующим образом.

До начала русской государственности севернее 60° северной широты было несколько племен прибалтийско-финской группировки. Далеко на западе Финляндии были сумь и емь. Из мест южнее Свири распространялась вель — явление, надо думать, собирательного порядка. Карельский перешеек был заселен слабо; тут кочевало редкое саамское население, представлявшее доземледельческий слой обитателей Севера, да еще появлялись всякие охотники.

Большие перемены произошли в связи с формированием Русского государства.

Во-первых, на Карельском перешейке стала понемногу слагаться корела. Мы не знаем, вошло ли составившее ее население в систему Русского государства с самого начала (это не исключается — термин «чудь» был очень емким). Но оно во всяком случае экономически и политически находилось в сфере притяжения Руси: оно ведь собралось у русского конца пути: Ладожское озеро — р. Вуокса — мелкие реки и озера — Выборгский залив. Откуда пришло это население, можно указать только приблизительно. Не исключается, что часть пришла из еми — емь первоначально тяготела больше к Руси, чем к Швеции. Однако емские традиции в этом населении впоследствии не давали себя знать. Часть пришла из мест, близких к Чудскому озеру. Это видно по некоторым чертам речи, например, по чередованию т с нулем (или й, в). Очень вероятно, что часть пришла из мест, близких к Новгороду, может быть — с низовья Волхова, где могли обитать вперемежку со славянским населением. Об этом можно думать потому, что речь корелы обнаруживает особенное сближение с северно-русской, вплоть до усвоения северно-русского цоканья в широком смысле. Не исключается, что часть пришла из веси. На это намекает **вепса** в топонимике Карельского перешейка. Впрочем надо считаться с возможностью, что термин **вепса** в древности простирался не только на Заволховье, но и на нижнее

Поволховье и даже на несколько более западные земли. Мы обратили внимание на селение Все на нижнем Волхове вблизи Старой Ладogi (против чего А. И. Попов нас предостерегает). Эстонцы до сих пор сохраняют смутное воспоминание о *вепсá*, что никак не может относиться к обитателям Заволховья.¹ Если так, то *вепсá* в топонимике Карельского перешейка надо относить не за счет заволховской веси, а за счет населения из мест, близких к Новгороду, — об этих местах мы уже говорили. Происхождение корелы было, как видно, сложное.

В 1143 г. корела впервые упоминается в нашей летописи как сложившееся этническое образование. Это этническое образование, выросшее под эгидой русской государственности, оказалось верным союзником и другом русского народа. Сокрушительные походы корелы были направлены против еми и Швеции. Однажды корела проникла даже в самое сердце Швеции и разрушила важнейший шведский город Сигтуну (вблизи которой после этого был построен Стокгольм).

Новая полоса истории корелы началась в эпоху монголо-татарского нашествия. Но об этом дальше.

Все это «во-первых». Во-вторых, тем временем действовала весь. Белозерская группа веси оказалась в составе Русского государства с самого возникновения последнего, о чем повествует летопись. Об остальных группах веси в древности мы документальных сведений не имеем. Но, конечно, они находились по крайней мере в сфере притяжения Руси. Распространение всех групп веси было подготовкой распространения русской государственности. Распространение веси было весьма значительным. Группы веси проникли, как это показали раскопки В. И. Равдоникаса (неправильно им истолкованные), из мест южнее Свири на низовья рек Олонки и Видлицы, и это было началом современных кареливвиков. Группы веси, поменьше, проникли на побережья Онежского озера, и это было началом, в частности, современных карел-людиков. От Белого озера, с одной стороны, и от Онежского озера, с другой, выходя из веси проникали в богатое пушниной Заволочье. Топонимика ясно намекает область проникновения веси в эту последнюю страну. Эта область ограничена «сверху» линией, идущей от северного конца Онежского озера скорее на северо-восток, чем на восток. В южной части Заволочья распространение веси, в связи с наплывом русских элементов в Белозерье и далее на Сухону, рано прекратилось. Но в северной части Заволочья оно длилось дольше. Весь имела поселения на верхней Онеге (Шёнстрём еще в середине XVIII в. свидетельствовал об «испорченном финском» языке около Каргополя — это тогда, впрочем, мог быть и карельский язык), на Ваге (памятники XIV в. приводят такие имена «чудских» деятелей на Ваге, как Азика и Ровда; Шёнстрём в середине XVIII в. говорил об «испорченном финском» языке по течению этой реки — это впрочем сомнительная вещь) и дальше до Пинегы (тут замечательная весская топонимика). Это была «заволоцкая чужь» русских, смотревших со стороны Новгорода, и «Бьярмаланд» скандинавов, смотревших со стороны Белого моря, — отнюдь не какое-нибудь пышное государство, а просто привлекательный для торговых людей и авантюристов край с пристанью и ярмаркой где-то у Холмогор. Количество веси в Заволочье было, вероятно, ничтожно. Но роль ее как подготовителя распространения русской государственности в северо-восточном направлении была очень велика. В 1137 г. громадный край, где действо-

¹ На это воспоминание обратил наше внимание П. А. Аресте.

вала весь, был уже не только в официальном обладании Руси, но и принимал участие в регулируемой из центра хозяйственной жизни Русского государства.

Роль веси упала в связи с монголо-татарским нашествием. Кстати сказать, последнее скандинавское упоминание «Бьярмаланда» относится ко времени незадолго до этого события.

Миновав «во-вторых», мы можем вернуться к кореле. Монголо-татарское нашествие сильно отразилось на ней. С одной стороны, чрезвычайно активизировалась Швеция, а русский тыл корелы ослабел. С другой стороны, корела не могла не быть втянута в те передвижения населения, которые были вызваны ударом со стороны монголо-татар. Корела перешла к героической обороне против Швеции и в то же время вступила в полосу «выходов» на русские земли. Обороняясь против Швеции, корела протянула фронт до северной части Ботнического залива, куда проникала по удобному внутреннему пути по рекам, озерам и озерным протокам. Переселяясь внутрь России, корела проникала на восток. Уже в 1250 г. группа корелы засвидетельствована на Кубенском озере, в соседстве с группой «чуди» (веси). Повидимому, в XIII в. началось проникновение корелы в среднюю и северную Карелию (южная Карелия уже была заселена выходцами из веси и могла принять только разве небольшое количество новых переселенцев) и на берега Белого моря, до низовья Северной Двины. Далеко на восток ушедшие группы корелы впоследствии обрусели. Устойчива корела оказалась лишь к западу от р. Выг, впадающей в Белое море.

В 1323 г. был подписан Ореховецкий мир между Россией и Швецией. По этому миру граница начиналась у р. Сестры, уходила в глубину Карельского перешейка, а там круто поворачивала на северозапад и шла до северного побережья Ботнического залива, оставляя в обладании России все окружение Ладожского озера и обширную территорию до северной Приботнии включительно. От корелы были отторгнуты две большие ее группы, образовавшиеся еще во времена ее успехов, — при-выборгская и присайминская. Огнем и мечом эти две группы корелы были обращены в католицизм, в их среду влилось много населения с запада, и впоследствии они вошли в состав не карельского, а финского племени народа, составив восточную его половину (западную составили сумь и емь). Сохранившаяся в России корела попрежнему стойко оборонялась против Швеции. В эту эпоху, в связи с переселением части корелы на восток (см. выше), возникло взаимодействие между корелой и важными группами веси, ливвиковской и людииковской, впоследствии приведшее к сложению карельского народа.

На рубеже XVI и XVII вв. в России начались громадный социально-политический кризис и иноземная интервенция. Враги России и в том числе Швеция снова активизировались. Еще до конца XVI в. Швеция прибрала к рукам северную Приботнию. В результате шведской интервенции начала XVII века Швеция захватила Карельский перешеек с более северными землями и берега Невы. Это грустное событие было оформлено Столбовским миром в 1617 г. Снова значительная масса корелы оказалась под шведской пятой. Но на этот раз корела, проученная тяжелым опытом прошлого, не пожелала остаться в пределах Шведского государства. В течение XVII в. основная масса корелы оставила свое старое племенное «гнездо», найдя защиту и приют у братского русского народа. Главная волна «великого исхода» направилась в тверские (калининские) и соседние края. Официально зарегистрировано

около 6.000 семей переселенцев в этом направлении, т. е. не меньше 30.000 человек. Некоторые авторы, учитывая необходимость считать и незарегистрированных переселенцев, расплывавшихся по всей России, приближают эту цифру к 100.000. Позднее других пришла в движение приботнийская корела, в своих северных местах испытывавшая шведский гнет в смягчённых формах. Приботнийцы направились в северную Карелию. Сто лет назад на Севере еще кое-что помнили о переселении. На оставляемых корелой местах расселялись финны-суоми, в числе которых были суомизированные потомки двух отторгнутых в 1323 г. западных групп корелы. В огне испытаний, которых в XVI—XVII вв. много досталось и на долю южной Карелии, сковалось раньше подготавливавшееся единство карельского народа, нерасторжимая связь его частей, откуда бы они ни вели начало — от корелы или от веси. Этому много содействовало возникновение в Карелии металлургической промышленности, которая сконцентрировалась как раз на узле связей разных этнических элементов в карельском народе. Значение этой промышленности вскрыто с помощью диалектологических данных.

С самого начала XVIII в. Россия начала стремительное наступление против Швеции для возвращения исконно ей, России, принадлежавших земель. В 1809 г. Швеция была окончательно отброшена за море. Многовековая тяжба закончилась. Но наступление России имело совсем иной характер, чем наступление Швеции. От русских никому не надо было бежать. Поэтому и после присоединения Финляндии к России в 1809 г. и финское, и карельское население осталось жить на тех же территориях, на которых оно находилось к началу XIX века.

4

Казалось бы, с емскими теориями пора покончить. Так нет же!

Вот перед нами книга С. Гадзяцкого «Карелы и Карелия в новгородское время», вышедшая в 1941 г. Книга имеет ряд достоинств. Но как она беспомощна в вопросе этногенеза карел! Она, правда, не злоупотребляет емью, вульгаризируя теорию автохтонности и утверждая ее для всех племен и народов. Однако она не оказывает емским теориям никакого деятельного сопротивления. О теориях, возникших после 1890 г., она вообще совершенно не осведомлена. Ядовитая финляндская теория, запечатленная в многочисленных археологических работах, в различных высказываниях лингвистов (обходящихся в данном случае без языков), в многотомном издании «История Финляндии» (на финском языке) и т. д., этой книге абсолютно неведома. А жаль: будь книга по-осведомленнее и познергичнее, она, может быть, чуточку умерила бы ту емскую свистопляску, которая поднялась в финляндской «научно-популярной» литературе последнего времени.

Однако гораздо хуже, чем в книге С. Гадзяцкого, дело обстоит на исторических картах, изданных в довоенное и в послевоенное время. Почему-то вытащена на свет божий допотопная емская теория Шёгге-на, «обогащена» кое-чем из непонятого Мюлленгофа и ... рекламируется на картах во всех без изъятия советских учебниках по истории народов СССР. По прибалтийско-финским племенам на этих картах все вверх ногами: сумь отмечается на далеком севере Финляндии, емь просто на ее юге и т. д. Еми особенно повезло: она регулярно отмечается и на Свири!

Мы уже не раз говорили и писали историкам о том, что с картами древнего Севера у них неблагополучно. В «Советской этнографии», 1949, № 2, мы заявили печатный протест. Нас энергично поддержал Н. Н. Чебоксаров. Но результатов пока не видно. Во вновь изданном в 1949 г. школьном учебнике по истории СССР на исторической карте IX—XI вв. север попрежнему изуродован, емь попрежнему на Свири...

Не только в среде школьников и студентов сеет вред непонятное пристрастие к еми. Оно калечит способных молодых исследователей. Оно порождает новые емские же теории.

Раскрываем книгу Н. И. Шишкина «Коми-пермяки», вышедшую в 1947 г.

Автор как будто резко настроен против финляндских притязаний. Но он судит обо всем с точки зрения Шёгрена — этому его научили, очевидно, его руководители, на которых и падает ответственность. И посмотрите, что получается.

Первый вопрос, который встает перед автором, это вопрос об этногенезе коми — вопрос громадной важности, вопрос большого политического значения. Можно сказать, что постановка этого вопроса в очень большой мере определяет политическую полезность или вредность книги.

Говоря о происхождении коми-зырян, автор обращается к рассмотрению термина *перемь* (позднее *пермь*), который относился первоначально преимущественно к коми-зырянам. Рассекая этот термин на *пер* и *-емь*, автор приходит к утверждению, что в сложении коми-зырян приняли участие этнические элементы, соответственно называвшиеся. Насчет племени перов на Севере мы ничего не знаем. Отождествлять его с печерой нет никаких ни исторических, ни лингвистических оснований. А вот емь в шёгреневском понимании — это величина для нас знакомая. Что дело в еми именно в шёгреневском понимании, это ясно из многих мест книги. Взять хотя бы такое место (стр. 19): «Что же касается этнонима «емь», то другой коми языковед в свое время писал: «Современные лингвистические данные говорят, что 1) нижнее течение Вычегды (а, может быть, и вся Вычегда) до коми и русских было заселено финским племенем Емь (и весьма редко), стоящим по языку ближе к западным финнам, и 2) предки коми вышли на Вычегду с юга»... «племя Емь слилось с колонизаторами, оставив после себя географические названия (Гам, Емва, Емваль и т. д.)» (В. Лыткин. Языковый состав населения нижней Вычегды в конце XIV века — при Стефане Пермском. «Коми-му», 1924, к 1—2, стр. 56). «Племя емь (продолжает Н. И. Шишкин уже от себя — Д. Б.) образовало в коми языке западный диалект...». И дальше: «Важно, что в антропологическом облике населения Выми, по данным Н. Н. Чебоксарова, имеются антропологические типы, близкие балтийским типам».

Участие еми в процессе этногенеза коми-зырян в книге Н. И. Шишкина мыслится большое. Это показывает хотя бы карта, вклеенная между стр. 38 и 39. Здесь на заселенной коми-зырянами территории отмечены клинья еми на западе и перов на востоке, причем первый значительно превосходит второй по величине.

Вот и появилась новая емская теория, на этот раз «освещающая» этногенез коми-зырян. Пусть не Н. И. Шишкин тут главный виновник. Но ведь Н. И. Шишкину следовало бы и самому подумать.

Подумал ли Н. И. Шишкин, на каких основах зиждется емская теория Шёгрена, взятая им, Н. И. Шишкиным, за основу? Напомним,

что Шёгрэн исходил из существовавших сто с лишним лет тому назад представлений о «великой Биармии» у Белого моря, поддержанных урало-алтайскими вымыслами.

Подумал ли Н. И. Шишкин, как его теория изображает отношения между финнами-суоми и коми-зырянами? Емь составила историческое ядро финнов-суоми. Она же, оказывается у Н. И. Шишкина, составила едва-ли не важнейший пласт коми-зырянского народа. До сих пор считалось, что между этими народами существует только отдалённая языковая связь. А нам преподносят утверждение, будто существует еще теснейшая этническая связь. И это в обстановке, когда надо быть так бдительными во всех вопросах, связанных с западом!

Не достаточно ли, в самом деле, емских теорий?